

О. П. Илюха, Н. А. Пеллинен

От карельских озер до киргизских степей:
 путевой дневник-воспоминания
 политического ссыльного
 Василия Еремеева-Ряйхя (1907–1908 гг.)¹

В начале сентября 1907 г. в городе Кемь Архангельской губернии по подозрению в «финской пропаганде» был арестован житель карельского села Ухта 23-летний торгующий крестьянин Василий Еремеев (Ряйхя). Вместе со своим старшим товарищем и «другом по несчастью» Федотом Ремшуевым он был приговорен к ссылке и отправлен этапом в г. Уральск, а затем перемещен в г. Темир. Свои впечатления о подконвойном путешествии Василий Еремеев изложил в дневнике, написанном по-фински, который был опубликован в Финляндии на страницах журнала «Karjalan Kävijä» («Путешественник Карелии»)². Публикация увидела свет в конце 1908 г. под названием

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта HAR2015-68348-R.

² Решение об издании журнала было принято на учредительном собрании Союза беломорских карел в апреле 1906 г. в г. Вааса. Ответственным редактором был избран писатель Ииво Хяркёнен. Журнал печатался в Ювяскюля. До 1909 г. по причине отсутствия официального разрешения на публикацию журнал «маскировали» под видом пробных экземпляров и образцовых номеров «новых» газет, например «Toionpano eli Karjalaisten kevätlehti» («Яровой сев или Весенняя газета карелов») (1907. № 3–4); «Karjalaisten kesälehti» («Летняя газета карелов») (1907. № 5–6); «Elonaika» («Жатва» / «Время жизни») (1907. № 7–8). Главными темами были «продвижение идей свободы и просвещения, пробуждение национального самосознания, народное просвещение и актуальная модернизация». Издание, меняя названия и перестраиваясь согласно культурно-политическому контексту времени, сохранилось до настоящего времени, с 1944 г. оно выходит под названием «Karjalan Neimo». Тираж составлял около 3 тыс. экз., которые в Карелии

«Воспоминания политзаключенного беломорского карела»³. Однако в комментариях к публикации редакция журнала отмечала, что это путевой дневник. По всей видимости, находясь в дороге, В. Еремеев делал дневниковые наброски, а затем, уже добравшись до места ссылки, дополнял их по памяти, редактировал по еще не остывшим следам событий. Это обстоятельство обусловило смешанную жанровую форму произведения, что отнюдь не снижает его ценности.

В дневнике описаны не только обстоятельства ареста и детали предшествовавшего ему путешествия из Ухты в Кемь, но и показаны условия содержания заключенных на разных этапах пути, их взаимоотношения между собой и со службой охраны. Автор делится своими впечатлениями о том, что вызывало его интерес, заставляло страдать и искать ответы на новые и новые вопросы. Он описывает и увиденное по пути следования, в том числе из окна поезда. Русскую действительность карел Еремеев воспринимает сквозь призму собственного опыта жизни в родной Карелии и в Финляндии, где он многократно бывал по торговым делам.

Карельская культура, не имевшая сколь-либо развитой письменной традиции, небогата историческими источниками личного происхождения. Тем большую ценность представляет дневник Василия Еремеева — молодого человека, наделенного литературным даром, «врожденным чувством пера», хорошо владевшего и русским, и финским языками.

Василий Иванович Еремеев родился 25 апреля 1884 г. в с. Ухта Кемского уезда Архангельской губернии в семье крестьянина-карела Ивана Сергеевича Еремеева. Ухта — один из волостных центров, расположенных в Северной (Беломорской) Карелии, вблизи от границы с Великим княжеством Финляндским. Во второй половине XIX — начале XX в. село считалось «столицей» коробейного промысла, получившего широкое развитие по причине малопродуктивности земледелия и отсутствия других надежных источников для существования жителей края. Коробейники вывозили из Финляндии бумагу, спички, ткани, одежду, сельскохозяйственный и домашний инвентарь, продукты питания, которые сбывали по другую сторону границы. Они также вели разносную торговлю в соседнем княжестве, а наиболее предприимчивые открывали собственные торговые заведения. В начале XX в. до 2,5 тыс. карельских коробейников уходили ежегодно в Финляндию⁴. Отсутствие языкового барьера способствовало

распространялись бесплатно. По данным официального сайта издания: <http://www.karjalansivistysseura.fi/karjalan-heimo/karjalan-heimo-lehden-historiaa/>.

³ *Jeremejeff-Räihä W.* Vienankarjalaisen poliittisen vangin muistelmia // *Karjalan Kävijä*. 1908. N 9. S. 5–10; 1908. N 10. S. 9–13; 1908. N 11. S. 4–9.

⁴ *Базегский Д. В.* Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX — начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998. С. 11.

успеху дела. В то же время длительное пребывание в Финляндии сказывалось на взглядах и настроениях карел, имело серьезное значение для формирования их культурных идеалов. Многие из торговцев меняли свои русифицированные имена и фамилии на финские или карельские.

Иван Еремеев, как и многие ухтинские карелы, тоже занимался торговлей. Это занятие стало делом семейным. Его жена Агафья также вела торговлю в мелочной лавке, которая была открыта при доме и оформлена в 1889 г. на имя Агафьи⁵. Сын Василий пошел по стопам родителей. После окончания Ухтинской церковно-приходской школы, а затем образцового Мининского министерского училища в д. Кимасозеро⁶, где подросток хорошо овладел русским языком и другими знаниями, он стал помогать отцу в торговом деле. При помощи земляков, проживавших в Финляндии, Василий получил место служащего в магазине муниципалитета Ахлайнен⁷. Его наставником и покровителем в делах стал проживавший в финском селении Куусамо земляк, состоятельный купец из Ухты Павел Афанасьев (Пааво Ахава), с которым у Василия постепенно произошло также идейное сближение. Около 1902 г. Еремеев вернулся в родную деревню, чтобы вести дела уже в собственном сельском магазине.

В 1905 г. Василий Еремеев женился на 16-летней карельской девушке Анне Титовой из д. Вокनावолок того же уезда. Анна, в сущности, выросла в Финляндии, где много лет жила их семья; закончила там народную школу. Девушка слыла красивой, обеспеченной и очень умной невестой⁸. О ее литературном таланте свидетельствуют письма мужу, сохранившиеся в Национальном архиве Финляндии, отдельные из которых недавно опубликованы⁹.

В годы первой русской революции Василий Еремеев оказался в эпицентре карельского национального движения. Он вступил в ряды Конституционно-демократической партии России, а затем стал членом Союза беломорских карел, одним из лидеров которого был уже упоминавшийся Пааво Ахава. Эту организацию основали в 1906 г. в г. Тампере переселившиеся в Финляндию беломорские карелы, прежде всего купцы. Ее целью было всемерное сближение карельских волостей с Финляндией, оказание поддержки национальным, духовным и материальным устремлениям соплеменников, проведение просветительской работы в духе «насаждения племенного чувства единства карел

⁵ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5/39. Л. 117–118.

⁶ Образцовое училище в с. Кимасозеро существовало на проценты с капитала, пожертвованного петербургским купцом М. Т. Мининым, уроженцем с. Кимасозеро, бывшим коробейником и носило его имя.

⁷ Располагался в области Сатакунта в составе губернии Западная Финляндия, в настоящее время Алхайнен — часть г. Пори.

⁸ *Linna E.-K.* «Woi nyt oikein riskisti» // *Karjalan heimo*. 2016. N 1–2. S. 14–17.

⁹ Карельская крестьянка в зеркале историко-этнографических источников (вторая половина XIX — начало XX в.). Сборник документов и материалов / Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск, 2012. С. 67–72.

и финнов». Союз ставил своей задачей открытие в Карелии школ, библиотек, намеревался содействовать развитию экономической жизни¹⁰.

Василий Еремеев был увлечен идеей служения своему народу. Он участвовал в подготовке множества петиций Союза беломорских карел, касающихся улучшения условий жизни на родине и адресованных в различные ведомства и органы власти. В периодическом издании Союза, выходившем под названием «Karjalaisten Pakinoita» (Карельские разговоры), Василий опубликовал статью «О путях сообщения и о борьбе народа за существование в Беломорской Карелии»¹¹. Его молодая супруга также участвовала в собраниях и митингах, проходивших в Ухте в 1905–1906 гг., пробовала себя в журналистике¹².

Российские власти считали Союз беломорских карел опасной организацией, за ним установили наблюдение. Наибольшие опасения вызывала угроза проникновения через активистов союза лютеранского влияния и идей панфиннизма в российскую Карелию¹³. В сентябре 1907 г. по распоряжению Архангельского губернатора неофициальные финские школы в Беломорской Карелии были закрыты, началось преследование активистов национального движения.

20 августа 1907 г. архангельским губернатором было выдано предписание об аресте девяти наиболее активных членов Союза беломорских карел. Большинство из них смогли избежать ареста, поскольку находились в Финляндии. В начале сентября были арестованы и препровождены в Кемь крестьянин Федот Родионович Ремшуев и учитель Василий Павлович Дорофеев. Василий Еремеев, как следует из его дневника, был арестован в Кеми, где остановился по пути своего следования в Архангельск по торговым делам¹⁴.

Расследование длилось более пяти месяцев. В результате 17-летний Дорофеев был освобожден по причине молодого возраста и затем выслан в Финляндию. Еремеев и Ремшуев были обвинены в противоправительственной и антирелигиозной пропаганде и приговорены к ссылке. Материалы дела говорят о необъективности следствия и явной тенденциозности свидетелей. Приговор вызвал возмущение в законопослушной в целом карельской среде. Письма-протесты односельчан не возымели действия¹⁵.

¹⁰ См. подробнее: Ranta R. Vienan Karjalaisten Liitto ja rajantakainen koulukysymys 1906–10 // Rajamailla IV. 1997. Rovaniemi, 1998. S. 111–145.

¹¹ Jeremejeff V. I. Kulkuneuvot ja kansan taistelu olemassa olonsa puolesta V. Karjalassa // Karjalaisten Pakinoita. 1907. N 1. S. 7–8.

¹² Предположительно Анной Еремеевой за подписью А. J. была опубликована статья «Joulun vietto Vienan Karjalassa» (Как отмечают Рождество в Беломорской Карелии) в журнале Karjalaisten Pakinoita.

¹³ Панфиннизм — идеология, выражавшая стремление к сближению и объединению финно-угорских народов, вплоть до создания «великой Финляндии».

¹⁴ То же самое следует из переписки Анны с Пааво Ахава. Kansallisarkisto (Helsinki) (далее — КА). Paavo Ahavan kokoelma. Kansio 4. Nippu 2.

¹⁵ О ходе следствия см.: Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки–СПб., 2006. С. 287–295.

Долгие 7 месяцев и 7 дней пути длиной в три тысячи верст выборочно описаны в публикуемом дневнике-воспоминаниях Василия Еремеева. Находясь в пути, Василий отправлял также открытки и письма друзьям и близким. Он не был склонен жаловаться на судьбу до тех пор, пока выдерживал его организм и не было окончательно подорвано здоровье. В частности, еще в ожидании ссылки он писал друзьям из Кемской тюрьмы: «Все-таки эту тюремную жизнь можно считать какой-то школой, получают же в некотором смысле образование и здесь — такое, без которого там, на свободе, можно было бы обойтись»¹⁶. Сохранилось также одно из писем жене. Василий скрывал от Анны тяжелые обстоятельства своего существования, успокаивал супругу и вселял в нее надежду на лучшее будущее. В письме, отправленном 14 марта 1908 г. из Ярославля, он писал: «Обо мне не печальтесь, я здоров, и везде мне хорошо»¹⁷. Василий также высказывал намерение хлопотать по прибытии в Уральск о своей ссылке за границу. В пути разрешалось писать письма только по-русски, чтобы не осложнять процедуру перлюстрации. Прочитированное письмо написано безупречным русским языком, хотя и не в столь свободной художественной манере, которая присуща текстам Еремеева, написанным по-фински.

Дневник заканчивается описанием прибытия автора в Уральск (до 1775 г. — Яицкий городок) в апреле 1908 г. Как известно из писем Василия родным и знакомым, вскоре он был переведен в г. Темир (ныне — Актюбинская обл. Казахстана). Срок ссылки истекал 24 декабря 1909 г., но Василию не суждено было вернуться на родину: он заболел туберкулезом и умер в Темире 20 (по другим сведениям 21) октября 1908 г. Сказались суровые условия содержания в Кемской тюрьме и в пути, холод, недоедание, нервное напряжение. Последнее письмо было написано 15 октября рукой Ф. Ремшуева под диктовку. От него веет полной безысходностью: «Сообщаю, что я так слаб от туберкулеза, что не могу [самостоятельно] дать знать о себе, и делаю это с помощью моего брата¹⁸ Ф. Ремшуева. Он ухаживает за мной; я уже слег и не встаю примерно 1,5 месяца... До этого проболел не так тяжело три месяца. Товарищи, старайтесь не забывать ваших братьев, находящихся так далеко. Помогите материально, так как все средства израсходованы... Будущее кажется мрачным <...>»¹⁹.

Василий Еремеев был похоронен в Темире. Заботы о погребении взял на себя Ф. Ремшуев. Анна запретила ему ставить на могиле мужа чугунный крест, поскольку это противоречило карельскому обычаю. На месте захоронения был установлен простой деревянный крест. Некролог, опубликованный в журна-

¹⁶ Karjalan Kävijä. 1908. N 12. S. 7–8.

¹⁷ KA. Paavo Ahavan kokoelma. Kansio 11. Nippu 3.

¹⁸ В карельской традиции принято называть братьями и сестрами людей, связанных чем-то общим (делом, дорогой, родиной), такие обращения чаще используются в отношении людей своей возрастной группы, хотя могут быть адресованы и младшим, и более старшим лицам.

¹⁹ Karjalan Kävijä. 1908. N 12. S. 7–8.

ле «Karjalan Kävijä», заканчивался словами: «Покойный по своему характеру был тактичный, спокойный и честный. Человек идеала, убеждений и верящий в будущее! <...> Покойся с миром, увезенный от любимых родных берегов, выхваченный посреди своих мечтаний в молодом возрасте, павший жертвой собственной любимой идеи карельский муж!»²⁰

Воспоминания политзаключенного беломорского карела²¹

с. Ухта — г. Уральск,
28 августа 1907 — 5 апреля 1908 г.²²

Был прекрасный день 28 августа 1907 года, когда мы сели в лодку на любимом лодочном причале и устремились по перекатывающемуся волнами Среднему Куйтто²³ в направлении деревни Луусалми, куда прибыли при сильном попутном ветре за четыре часа (это путь в 30 верст). Пробыли в деревне оставшуюся часть дня и ночь в дружеской компании местных жителей. Рано утром следующего дня продолжили путь к деревне Юшкозеро. Этот путь в 50 верст прошли за 10 часов; таким образом, 29 августа мы достигли деревни Юшкозеро. Оттуда нам нужно было найти попутную лодку до Кеми, чтобы подвозившие нас из дома могли вернуться назад. Моими попутчиками оставались три молодых человека из Ухты, которые собирались поступать в Архангельскую учительскую семинарию. Осмотрев достопримечательности деревни, мы поняли, что прежде она была намного зажиточнее; на это указывали огромные деревянные груды, которые чуть было не падали на проходящих мимо. — Прежде это были подобные дворцам в карельском стиле построенные дома. Новые строения, в основном, были маленькими избушками. От жителей деревни мы узнали, что деревенский поп и псаломщик в плохих отношениях между собой, и что поп — страшный обдирала. За свои услуги, такие как крещение, отпевание и т.д., берет не стеснясь. Примеров приводили сотни. Напротив, хвалили псаломщика как порядочного человека, и при этом свободомыслящего. Именно по этой причине он был арестован и посажен за решетку в тюрьму Кеми. (О нем, быть может, в следующей статье²⁴ напишу больше.) Проведя в деревне оставшийся день и часть следующего, мы продолжили путь вниз по реке Кемь, прибыв в деревню Суопассалми. Проплыв 50 верст, прибыли в старейшую и, наверное, самую историческую деревню Карелии, село Паанаярви²⁵,

²⁰ Karjalan Kävijä. 1908. N 11. S. 1–2.

²¹ Перевод выполнен Н. А. Пеллинен при поддержке Программы президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

²² Датировано по содержанию (примеч. О.И., Н.П. — здесь и далее).

²³ Крупное озеро в Северной Карелии.

²⁴ В. Еремеев посылал свои тексты в журнал частями.

²⁵ Kirkonkylä — село, где находится церковь прихода.

вечером 30 августа. Называю деревню исторической потому, что в ней было первое волостное самоуправление, в которое поступали налоги со всей средней части российской Карелии, вплоть до границы с Финляндией. В этой деревне к тому же было первое, охватывающее всю среднюю Карелию, управление священнослужителей. Следовало бы предположить, что в тех старых волостных и церковных архивах найдется много сведений о древней Карелии; возможно, эти архивы когда-нибудь еще станут важными источниками для воссоздания картины жизни Карелии в старину. Прибыв в деревню, пошли на постоя в ямской дом. — Говорили, что в том же доме остановился полицейский начальник (становой пристав) с двумя стражниками. Проведя ночь в доме и проснувшись рано поутру, мы услышали от людей в доме, что становой пристав детально расспросил о направлении нашего пути и тут же отправил адресованное в полицейскую контору в Кемь срочное письмо. Позже я слышал, что в письме было сообщение о моем прибытии в Кемь и рекомендация о моем задержании. Сам становой пристав со стражниками²⁶ ночью поехал по реке Кемь в сторону Юшкозера. 31 августа мы продолжили путь — спускаясь по попутным порогам реки Кемь — сквозь незаселенные края. К вечеру того дня прошли 70 верст. Мы были вынуждены остаться на ночь в лесной избушке, так как до ближайшей деревни Ужманы было еще 20 верст, которые из-за темноты мы не могли преодолеть. Утром первого сентября мы прибыли в Ужману, последнюю карельскую деревню. Отдохнув там некоторое время, мы прошли [на лодке] путь в 18 верст и попали примерно в час дня в маленький и сонный город Кемь.

Этот маленький, наполовину русский, наполовину карельский городишко находится еще совсем в первозданном состоянии. Шоссейной дороги нет ни в каком направлении. Линию электропровода местные чиновники сюда провели, но, конечно, больше для своего удобства, нежели для нужд народа. Есть и в этом сонливом городе местами всё же жизнь и движение. Посреди города находится государственная винная лавка, которая щедро раздает желающим спиртное²⁷. И вокруг нее царит жизнь, угнетающая настроение... Такая же самая жизнь процветала и в так называемом Национальном клубе, в который я во время моего первого дня пребывания в городе заскочил. Государственный 40-процентный эликсир жизни и здесь сильно давал о себе знать. Ничего более значительного в этот день в городе не происходило. — На другой день (2 сентября) я проснулся рано утром, поскольку дел было много и нужно было торопиться на отправляющийся на следующий день пароход в Архангельск. Самими важными делами были визиты в государственные учреждения. Со всем разобрался и стал спокойно ждать отправления в Архангельск. В районе 5 часов вечера заскочил все-таки в ресторанного вида читальный зал, проведя в котором около часа, пошел в сторону моей квартиры. Когда я подошел к своему постоялому двору, останавливает меня некий полицейский, спрашивая, Е-в ли

²⁶ Так в тексте, приводится русское заимствование «strasnikka».

²⁷ Букв. «гибельную воду».

моя фамилия. Я отвечаю утвердительно. Тогда полицейский сообщает, что меня просили зайти в полицейскую контору — по какому-то важному делу. Когда мы достигли с ним быстрым маршем полицейской конторы, я оказался окруженным десятью людьми со штыками. Не обращая на это внимания, я шагаю бодро поближе к стойке и кладу свою шапку на нее, но затем меня кто-то хватает сзади, замечая, что нельзя приближаться к стойке, в то же время смахивают мою шапку на пол. Остаюсь в ожидающей позе. Не пришлось долго ждать, как один пожилой одетый в униформу чиновник, поворачивается с криком в мою сторону. Он сообщает, что является помощником исправника Кемского округа, и выкрикивает, Е-в ли я. Получив утвердительный ответ, визгливо кричит стоящим вокруг людям со штыками, чтобы обыскали меня. В мое тело вцепляются десятки рук, которые самым назойливым образом выворачивают наизнанку мои карманы и опустошают их. Мое терпение заканчивается, отпускаю замечание, что это недопустимое поведение, нельзя ли это всё делать по уставу, и требую составить опись всего изъятого, особенно денег, которых у меня было с собой много. В ответ уже упомянутый чиновник орет, что я якобы арестован за интриги с финнами, и что мне сейчас преподадут урок и что о расписках не может быть и речи. Спросив потом, где моя квартира, они силой начинают тащить меня туда. Когда мы прибываем в мою квартиру, этой вооруженной группы особенно пугаются проживающие в доме женщины и дети. Заметив, что я арестован, осмеливается всё же кто-то спросить у руководителя этой героической группы, помощника исправника, почему меня арестовали, добавив, что арестант приличнейший человек, насколько это вообще возможно. В ответ чиновник кричит, «что порядочных людей никогда не арестовывают, только бандитов». На это я счел заметить, что лишь самые озверевшие разбойники обращаются со своими жертвами таким образом, да и те не всегда. Мое замечание подействовало немного умиротворительно на кичливого мужчину, который скоро более вежливо начал требовать мои дорожные вещи для досмотра. Мои вещи вытащили, — их осмотрели, и после этого заставили поклясться хозяев дома, что они не укрывают ничего из моих вещей. Получив удовлетворительное сообщение, они оставили народ дома в покое. Потом повели меня обратно к полицейской конторе. Штыками принуждали меня нести все мои вещи в руках. В этот период в темноте ночи я испытал по отношению к себе самое жестокое обращение. Когда мы добрались до полицейской конторы, меня втолкнули в находящуюся около упомянутого учреждения холодную одиночную арестантскую будку.

Тюремная камера предназначалась для пьяниц. Оконные стекла были разбиты вдребезги. В комнату струился из окна сквозь железную решетку холодный осенний воздух. На мне была только тонкая летняя одежда, ничего из одежды в комнате не нашлось, чтобы прикрыться, лишь стены, крыша и пол были моей защитой. Освободившись от людей со штыками и пробыв в этом моем новом пристанище во власти мрачных мыслей около часа, я стал жутко замерзать, так

что мои страдания умножились многократно. Как бороться с холодным ветром? Или впасть в безразличие и позволить холодному ветру заморозить до смерти мое существо? Ведь мое будущее кажется таким мрачным, таким ужасным! Такие мысли овладели мной на минуту. В то же время пробивался в моей душе какой-то луч надежды: может быть, это только минутные страдания, может быть, впереди у меня более светлый жизненный путь, — я же невиновен, я же страдаю несправедливо, — возможно, еще найдется в мире искра справедливости! Таким образом, я твердо решаю жить так долго, насколько хватит сил, мужественно борясь с [человеческой] природой и несправедливостью людей. Дрожа от холода, я начал выполнять физкультурные упражнения, временами прыгая на стены как полоумный. В момент выполнения моих трюков слышу звук открывающихся затворов моего приюта, и в комнате появляется человек со штыком, который грубо вскрикивает, что здесь надо вести себя тихо, в противном случае... Он угрожающе показывает на рукоятку ружья. Пытаюсь объяснить, что делаю зарядку из-за этого сильного холода, иначе здесь можно замерзнуть насмерть, — прошу, нельзя ли дать каких-нибудь тряпок, которыми можно было бы заткнуть окна, чтобы ветер не дул внутрь. На это человек с ружьем, бранясь и крича, отвечает, что «всех вас надо бы перевешать», и угрожающе удаляется из комнаты. Остаюсь наедине с мрачными мыслями. Что бы придумать? Втыкаю в одно отверстие свою шляпу, а в другую — пальто и начинаю маршировать по полу — в одной рубашке, с непокрытой головой. Этого марширования хватило до конца ночи. Тогда заметил, что в комнате начало теплеть. Увидел в комнате также стенку печки, от которой, очевидно, тоже добавилось тепла.

Ранним утром снова слышу грохот в мою дверь, и в комнате появляется довольно молодой человек с ружьем, и у него добродушное лицо. Он дружелюбно начинает беседу, расспрашивая, из каких я мест, причину ареста и т.д., а также объясняет, что он лишь сменный стражник, и из любопытства пришел на меня посмотреть, поскольку слышал о моем вечернем задержании, а также о том, что некоторые горожане очень печалились о моей тяжелой судьбе, беспокоясь обо мне. Я упомянул ему о том, что пережил ночью. Он ответил на это, что здесь, особенно в нынешнее смутное время, не стоит ждать милости, и предложил, что, если я хочу, могу посидеть с ними в передней, там уже не было недавнего злого охранника. Я должен был все-таки пообещать, что услышав грохот, тут же брошусь в свою комнату; ходят, видишь ли, чиновники повыше с проверками бдительности охранников. Его предложение я с удовольствием принимаю, и так мы проводим в передней остаток ночи, разговаривая о моем положении и делая какие-то предположения о том, какая участь выпадет на мою долю после этой ночи. В 6 часов утра сменяются охранники, я устремляюсь в свой приют, и так проходит первая в моей жизни мрачная ночь.

Таким образом, наступило 3 сентября. Погруженный в безрадостные мысли, я ожидал в своем убогом пристанище, принесет ли этот день перемены в мою жизнь, или я буду вынужден и дальше влачить жалкое существование, которое

наверняка иссушит мои силы, и я буду стерт с лица земли в полном неведении моих друзей, знакомых, близких и всего мира: единственными свидетелями и защитниками останутся стены моей убогой будки...

В 8 утра дверь моей ночлежки распахивается настежь, в комнату входит одетый в какой-то степени в униформу мужчина, представляется надзирателем этого жалкого учреждения, а также спрашивает, в чем я нуждаюсь. Сообщаю, что мне нужна еда и питье. Он говорит, что самовар предоставляется от учреждения, в нем можно кипятить воду, а всё остальное мне нужно покупать в городе на свои деньги. Отвечаю ему, что все деньги у меня изъяли, и не на что покупать. — В этом случае не буду есть и пить, пока во второй половине дня не доставят мне причитающиеся казенные деньги, 10 копеек в сутки. Прошу всё же этого своего собеседника сходить в одну знакомую торговую лавку, из которой он и приносит по моей просьбе еды. Так, самовар ставится кипятиться — и традиционно по русскому укладу пить чай... Вот я и накормлен.

Снова жду, что последует. В 12 часов дня ко мне приходит пара полицейских, сообщая, что мне нужно следовать с ними в полицейскую контору. После того, как мы прибываем на место, зачитывают мне протокол об изъятых вещах. Разрешенные товары, как деньги и другое, якобы вернут. По-прежнему арест наложен на паспорт, финский нож и финские бумаги. Возвращенные вещи мне разрешается отправить куда считаю нужным, также мне дается право написать домой, на том условии, что письмо проверят. После этого ко мне обратился начальник полиции Кемского округа, сообщая, что я арестован за антиправительственную деятельность, а также что определяют меня в городскую тюрьму. Пытался задавать вопросы, требуя более детального объяснения причин моего ареста и прося освобождения на особых условиях. Получаю ответ, что будущее покажет причины моего задержания, и что освобождение невозможно ни на каких условиях, так как я слишком опасная личность, чтобы оставаться на свободе. Пришлось довольствоваться такими объяснениями. Во время разбирательства в комнату прокрались упомянутые ранее в начале моей статьи три молодых человека, собирающихся поступать в Архангельскую семинарию, и вдобавок к ним кемский разъездной священник. У моих товарищей слезы на глазах, а упомянутый священник от радости прямо скалится и позволяет себе сказать, что такая судьба ждет всех остальных карелов. Обещал всё же прийти ко мне в тюрьму, якобы жалея меня за мое заблудшее положение.

Деньги моих спутников были у меня на хранении; получил разрешение там с ними рассчитаться, после чего мы с ними на прощание обменялись несколькими обрывочными словами, находясь во власти тоски и страдания. После этого меня посчитали ненужным и отправили обратно в дрянную тюремную будку. Я пробыл своей камере некоторое время, представляя мысленно мою новую квартиру, когда приходит ко мне одетый в какую-то форму мужчина, вооруженный револьвером и саблей, и объявляет, что сейчас нужно проследовать с ним в городскую тюрьму. Мы отправились маршем

в сторону тюрьмы, куда прибыли, пройдя по оживленнейшей улице города, в самом спешном темпе.

Помещение тюрьмы окружал возведенный из сосны забор высотой примерно в три сажени и выполняющий функции укрепления. В ограждение встроены широкие тяжелые деревянные тюремные ворота, которые открываются, если дотронуться до висящей с края от ворот палки. (К палке прикреплена проволока, на ее обратном конце висит колокол, который, зазвонив, дает знак открывающему двери). В воротах появился молодой, невинного вида мужчина, который без всякого промедления впустил нас во двор, заметив сопровождавшего меня чиновника. (Лиц в гражданском внутрь впускают лишь при предъявлении выписанного в полицейской конторе пропуска.) Заходим, значит, внутрь через находящееся поблизости от ворот крыльцо и попадаем в довольно длинный центральный тюремный проход, по обе стороны которого расположены двери, по одну сторону — шесть, и по другую — семь. Семь дверей ведут в тюремные камеры, 1 — в холодную и темную комнату наказаний, 1 — в комнату часовых, 1 — в служебную комнату. Когда мы заходим в коридор, из дверей толпой выходят примерно 25 призраков людей — ужасных на вид, иссохших скелетов в рваной и грязной одежде. Мое знакомство с ними состоялось без долгих представлений. Нимало не стесняясь, они бросаются почти одновременно на мои часы и на другие мои вещи, справляясь об их цене, достоинстве и месте покупки. Смело объясняю им, что об этом они получают информацию позже, так как я зайду к ним погостить на более длительное время, а сейчас нужно поселиться на постой в какую-нибудь камеру. Моя просьба сопровождается многочисленными предложениями; каждый хвалит свою комнату как самую лучшую и чистую. Наконец, принимаю предложение одного карельского дедушки — заселяюсь в его камеру. Комната, в которую мы заходим, выглядит отвратительно — ужасаюсь ее неряшливости; никогда не представлял себе, что существуют подобные учреждения пыток для людей. Когда-то покрытые белой известью стены и потолок пребывают в самом убогом виде, побелка местами осыпалась на пол и лишь кое-где держится на поверхности, напоминая о былых, более опрятных, временах. Покрытые грязью стены кишат бесчисленной мелкой живностью, такой как клопы, блохи, тараканы и мухи, которые обитают в этих отвратительных пещерах круглый год. Пол покрыт толстым слоем грязи. Места для сна сооружены из прикрепленных к стене кусков дерева и покрыты сделанной из мешков для муки тканью. Да и та до безобразия грязная. Стол — захламненный товарный ящик, в качестве стульев — несколько досок. Это вся мебель в комнате.

Без всяких уверток придется подчиниться здешней жизни. Мои личные вещи, которые оставляю на столе или вешаю на гвоздь, сразу становятся объектом исследования мелких домашних животных.

После того, как мы минуту посидели в моем новом пристанище, нашу камеру заполняет толпа соседей, вопросы следуют десятками одновременно, все хотят знать, почему я арестован, откуда родом, каким делом занимался и т.д.

Отвечаю всем, кому успеваю, и из этого мои соседи какие только выводы ни делают. Все [выводы] кажутся совершенно дурацкими, поэтому пропускаю их мимо ушей. За нашими разговорами день переходит в вечер. Во второй половине дня меня вызывает к себе начальник тюрьмы, старый, дряхлый старичок, служивший в Вокнаволоке волостным писарем, — спрашивает мое имя, возраст, измеряет мой рост, крепость и пр. и пишет всё в книгу. Говорит, что делает это потому, что, если совершу побег, будут искать потом по этим приметам. После этого он выдает несколько набитых сеном мешочных отрепьев в качестве постельного, а также спрашивает, хочу ли я есть казенную еду, или буду получать суточные на питание по 10 копеек? Отвечаю ему, что, когда познакомлюсь с едой, тогда и дам завтра окончательный ответ. Устремляюсь в свое пристанище; находящиеся там мои товарищи по комнате приготовили чай и пригласили меня в компанию. Выпил теплого чая с удовольствием. Через некоторое время мои товарищи принесли казенной еды: хлеба и рыбного бульона. Я схватился за еду, но она не хотела идти даже в голодный желудок. Хлеб был плохо испечен, а бульон был отвратительным на вкус. Поел все-таки немного хлеба с солью, — вот первый прием пищи в моем новом доме.

В восемь часов вечера закрыли на замок до утра двери всех камер. Я сделал постель, быстро лег и тут же погрузился в глубокий сон, несмотря на внутреннюю тоску и отвратительную обстановку вокруг, так как страшно устал от напряжения предыдущих суток.

Проснувшись утром и оглянувшись вокруг, я поначалу не могу поверить своим глазам; но тут же вспоминаются события предыдущих дней. Нужно признать, что передо мной реальность. В то же время слышится грохот открывающихся замков на наших дверях. Двери открывают в 6 часов утра и заключенных выпускают на весь день гулять в передней, во дворе или в других камерах. Я тоже встаю и принимаюсь за дневные дела. Готовлю чай, пробую казенную еду. После этого заявляю начальнику тюрьмы, что в дальнейшем буду брать деньги 10 коп. в сутки и готовить себе еду сам (то есть еда казалась совершенно непригодной для человеческого питания). За созерцанием господствующей вокруг убогости приходит вечер. — На следующий день около полудня собираются находящиеся в тюрьме заключенные-преступники в нашей комнате и требуют у меня денег; то же требование они выдвигают также одному волюгодскому политическому заключенному. Удивляясь, спрашиваем, по какой причине нам нужно отдавать деньги. В ответ пара десятков мужчин вцепляются в моего товарища, одни сжимают горло, другие избивают, бьют кулаками и деревяшками куда придется, отбирают деньги и напоследок выпускают его полумертвого из рук. Во время этого избиения отнимают и у меня еду и личные вещи, несмотря на мои возражения. Кто-то угрожающе произносит, что

скоро придет очередь и моей трепки. Полностью обчистив, они оставляют [нас] в конце концов в покое. Наше будущее начинает тревожить, к кому обратиться, откуда получить защиту против этого насилия? Некоторые женщины-заключенные тайно доводят до нашего сведения, что лучше иметь при себе как можно меньше денег и вещей, так как этот случай может сразу повториться, и от обращения к начальнику тюрьмы не будет никаких хороших последствий. Значит, ничего другого, как только выносить всё, что ниспошлет будущее! — Остаток дня мы всё же провели в покое. На следующий день (5 сентября) около полудня опять собирается в моей камере пара десятков соседей, один из которых снова требует от меня денег, в этот раз на том основании, что они узнали, что я зажиточный. Отвечаю на это, что у меня нет денег на руках, — с чего я дам? Не успел договорить, как стаскивают у меня сапоги с ног, пальто и шапку с головы и уносят из виду. На прощание обещают дать мне еще бóльшую взбучку, чем моему политическому товарищу, если не соглашусь назавтра достать назначенную сумму. Ничего не поможет, нужно согласиться, потому что хочу еще жить. На следующий день выполняю свое обещание, после чего мне возвращают отобранную одежду и сапоги, а также клянутся словом чести заключенного о мире и дружбе на всё время моего пребывания в тюрьме.

Так и живу до вечера восьмого сентября. Мы по заведенному обычаю укладываемся спать на наши места, когда слышу из передней карельскую речь. Высовываю голову наружу через люк в двери, к своему удивлению вижу стоящих в прихожей двух моих ухтинских знакомых: учителя Василия Дорофеева-Ваара и печника Федота Ремшуева, окруженных людьми со штыками. Они также изумляются, когда узнают, что и я гощу в тюрьме, ведь мне нужно быть в Архангельске, и тут же просят пустить ко мне как можно скорее. Их вталкивают ко мне в комнату и закрывают следом замок. Так нам удается свободно поговорить о домашних делах. Ваара и Ремшуева становой арестовал в Ухте в тот же день, когда меня арестовали в Кеми.

Шли дни, проходили недели, о нашем будущем — несмотря на все наши усилия и обращения во всевозможные учреждения — не было никаких сведений.

В начале ноября вызывают нас по одному в полицейскую контору, в которой известный своим служебным рвением глава города Кемь коротко рассматривает наше дело, после чего составляет протокол о результатах своего расследования. Протокол состряпан, на мой взгляд, в такой форме, которая не должна бы наше дело испортить, и так подписываемся под ним. При рассмотрении я заметил, что нашими тайными доносчиками были чиновники Ухтинской общины: староста общины и писарь. Эти два братца чего только ни наговорили на нас, также не относящегося к делу — из чего можно заключить, что их главной задачей могло быть выдворение нас из родных мест. Это, вероятно, было для них важно потому, что примерно в Новый год их ждала неприятная недостача по счетам в делах общины. (Конечно, нужно было отстранить ревизора от защиты прав народа любым способом.) После этой процедуры проводили нас обратно в тюрьму.

Шли недели, проходили месяцы, наше будущее казалось таким же темным.

Однажды в первых числах декабря вызывают моего товарища Ваара в тюремную контору, где ему читают пришедшую от губернатора бумагу, что его освобождают «с условием прекратить финско-протестантскую пропаганду среди карелов». Мне и Ремшуеву, напротив, объявляют, что нас будут держать в тюрьме до тех пор, пока не придет особое распоряжение от губернатора. — Нашего товарища Ваара скоро освободят. Мы, подавленные, остаемся ждать «особого распоряжения» губернатора. Живем мучительной жизнью в тюрьме в общей сложности 4 месяца и 21 день. Наконец, во второй половине дня 24 января 1908 года в тюрьму прибывает писарь полицейской конторы Кеми (по совместительству любитель выпить) и зовет к себе меня и моего товарища Ремшуева. Входим в тюремную контору с надеждой в душе, что, возможно, наконец, нашлось доказательство нашей невиновности, и мы освободимся. Минута волнительная. Вопреки нашим ожиданиям нам зачитывают бумагу следующего содержания: Еремеев и Ремшуев по представлению архангельского губернатора, по назначению министра внутренних дел высылаются за распространение антиправительственной пропаганды на два года под надзор полиции в Уральскую область; пребывание начинается 24-го декабря 1907 года. — Значит, это наша награда за незаслуженное страдание!

Мы ждали другого; хорошо хотя бы то, что мы выберемся из этой душливой тюрьмы! — Хотя и горько оставлять дорогую родину (к родному краю относятся и Кемский берег), но ничего не поможет. Нет времени долго раскачиваться, — сообщают, что завтра в 10 часов утра надо уже отправляться в путь. Он будет пройден пешком в сторону Архангельска в сопровождении трех солдат. Но здесь мы оказываем такое сопротивление: сообщаем, что мы категорически отказываемся идти пешком. С этим законным требованием, наконец, соглашаются, нам обещают лошадь в качестве транспорта, только солдатам нужно сопровождать нас пешком.

Собираемся в дорогу, заворачиваем наши вещи для перевозки, пишем несколько строк близким, знакомым — вечер проходит, ночь пролетает... Утром приходят наши местные друзья пожать руки перед долгой разлукой. У наших спутников на глазах едва не появляются слезы — что естественно, когда домашние жильцы остаются без первого и самого важного средства — куса хлеба — но несколькими ободряющими словами относительная бодрость достигнута. Раздается и песня карелов, так что стены гудят. В 10 часов утра прибывают для сопровождения нас солдаты, из которых двое — карельские парни-весельчаки (по крайней мере, в естественных условиях), а именно Филипп Бобров из Ребол и Логин Савин из Падан. Поднимаем наши дорожные вещи на воз, и после этого следует прощание с товарищами-арестантами. Это происходит так трогательно, что горячая слеза скатывается из глаз. Кажущиеся дикими животными заключенные-преступники стали истинными друзьями. Итак, последнее рукопожатие, и мы трогаемся в путь. Солдаты идут пешком, один впереди лошади,

двое других, со штыками, — позади. Такой порядок следования всё же заканчивается так скоро, как скрывается с глаз чиновников. Тогда штыки втыкаются в повозку, и устраивается перекур, а еще — с разрешения извозчика — [солдаты] садятся в сани. Русский солдат также чувствует свое нынешнее угнетенное положение. Каждый солдат обращается с политическим заключенным с уважением. Уже и солдату понятно, что политический заключенный защищает народную свободу. Между городами Кемь и Онега находимся в пути 14 дней, пройдя 297 верст. Проезжаем мимо следующих деревень: Шуя (наполовину карельская), большая деревня Сорока (по большей части карельская), Сухое, Вильма, поселок Сума²⁸, Колижма, Нюхча, Унежма, Кушерека, Малошуйка, Ворзогора. В каждой деревне на окраине дороги какие-то карельские семьи. Нужно упомянуть, что в каждой деревеньке, какой бы жалкой она ни была, величественно стоит посредине деревни казенная винная лавка. Ужас охватывает при мысли о той убогости, которую эти учреждения несут в народную среду. Описать это бедственное положение сможет только человек с крепкими нервами. Сравнивая жизнь крестьян Финляндии с жизнью местных крестьян, нужно, несомненно, заметить, что еще много каши будет съедено и много сражений пройдено прежде, чем жизнь в России, хотя бы по нескольким показателям, достигнет уровня жизни крестьянства Финляндии. Внимание привлекает также то обстоятельство, что каждый день навстречу прибывают большие вереницы лошадей, в которых движутся сотни людей. Это сосланные с юга России революционеры, по большей части, молодые образованные люди, молодые парни и девушки. Иногда в группах встречаются также люди постарше. В маленьких городах Кемь и Онега размещены сейчас в общей сложности примерно 600 революционных семей, а также в этих районах в каждой деревне — примерно по двадцать семей. Безусловно, вспоминаются в этой связи скитания еврейского народа времен Ветхого Завета, с тем лишь отличием, что израильтяне отправились в странствие из-за своего угнетенного положения сами, а сыновей и дочерей России вынуждают покидать родные края с помощью пик, кнутов и штыков. Их перемещают как животных: стадами, через тесные тюрьмы, на убогих средствах передвижения и по утомительным дорогам. С южных земель их отправляют на холодные необжитые берега Северного Ледовитого океана...

В город Онега мы прибыли 7-го февраля. Отдохнули в городской тюрьме два дня, за время которых через тюрьму прошло больше сотни революционеров, направленных в Кемский уезд. 9-го февраля мы продолжили свой путь. Здесь сменились солдаты. Нам в сопровождающие дали четырех веселых солдат, которые обращались с нами всё время очень дружелюбно, с пониманием.

²⁸ В настоящее время Сумский Посад.

Путь из Онеги в Архангельск мы прошли за 14 дней, преодолев 230 верст. Прошли мимо следующих деревень: Покровская, Тамица, Кянда, Нижмозеро (в котором среди прочих мы встретили карельского пьяницу родом из Мииноа, что в Контокском приходе), поселок Уна, Красная Гора, Сюзьма, поселок Нёнокса, Солза, Таборы, Рикасиха. 23-го февраля мы прибыли в Архангельск, где расстались с солдатами и остались в полицейской конторе.

Из полицейской управы Архангельска нас отправили в контору городской тюрьмы, где взяли на хранение все наши дорожные вещи, заметив, что в тюрьме, в которую нас поместят, много воров, которые последнюю рубаху снимут. Одолеваемые страхом, мы пошли через двор в пересыльное отделение, которое соединяется с тюрьмой. В этом отделении было мест на 50 человек, но несмотря на это комната была набита битком: больше сотни человеческих существ лежало на полу, среди них студенты, крестьяне, профессиональные воры и т.д. Проведя в этой отвратительной мешанине двое суток и лишившись всех наших продуктовых запасов, 25 февраля в 12 часов мы получили вызов в тюремную контору, где сообщили, что нужно готовиться продолжать путь. Все наши вещи вернули. Дополнительно выдали два мешка, в которые предписали затолкать наши вещи, так как иметь вещмешок или что-то еще заключенному не разрешается. Из наших денег вернули только один рубль. Если бы не было [припрятано] в нашем тайнике еще, то нам пришлось бы в дороге не очень сладко, потому что казенных суточных на питание полагалось лишь 10 копеек.

В компании примерно 30 заключенных нам нужно было идти строем в направлении железнодорожной станции. Заключенных поставили в строй по двое, и так, окруженные одиннадцатью солдатами, мы прошли через город. С тоской миновав знакомые места и перейдя через могучую Двину, мы прибыли на вокзал в 2 часа дня. (Дорога из тюрьмы составляла 5 верст.) Со станции в 3 часа дня продолжили путь в сопровождении тех же солдат. В вагон на 27 человек втиснули нас вместе с солдатами 41 «штуку». Проследовав 600 верст в тесноте и спертом воздухе, мы прибыли 26-го февраля в 9 часов утра на станцию Вологда, откуда нас отправили в ближайшую пересыльную тюрьму.

В тюрьме располагалось примерно 500 пересыльных арестантов, по большей части оборванных призраков людей (политические заключенные были размещены в других камерах); мы были вынуждены провести в этом ужасающем обществе день и ночь. На следующий день в 10 часов утра мы продолжили путь. Число заключенных увеличилось до восьмидесяти, всех поместили в два вагона, рассчитанных на 46 человек. Температура от спертого воздуха поднялась в вагонах до 30 градусов, но несмотря на это на протяжении дня нам не дали даже капли воды промочить горло. Изможденными, полуживыми мы прибыли в 10 часов вечера (просидев в вагоне на протяжении 200 верст) на станцию Ярославль, где на всех заключенных надели кандалы на руки, соединив всех по двое. Суровые чувства завладели мной на минуту, когда я почувствовал, как наручники сжали запястья, но в то же время тайный голос в душе шепнул, что

«всё преходяще». Снова нужно было вернуть свойственную мне бодрость, так необходимую потому, что мой спутник был еще слабее меня, ему нужно было несколько ободряющих слов...

От вокзала, звеня кандалами, мы пошли к тюрьме. Звон кандалов резал уши, так как в строю было 40 заключенных (за убийства они были приговорены к принудительным работам). Пройдя 4 версты — перейдя знаменитую Волгу — мы прибыли в 10 часов вечера в большую четырехэтажную пересыльную тюрьму, где у нас с рук сразу сняли кандалы. Дорожные вещи мы передали в попечение начальства. По моей просьбе доброжелательный на вид начальник тюрьмы распорядился разместить нас с товарищем в чистой тихой комнате. Эта тишина была очень кстати, так как в предыдущих тюрьмах испытанное нами напряжение привело нас к почти полному измождению.

На следующий день после того, как мы спокойно отдохнули, забывшись в ободряющем сне, жить снова показалось легче. В 12 часов дня в нашу комнату привели 4-х товарищей: 3-х студентов Ярославского лицея, направленных в ссылку в Архангельскую губернию, и одного местного купца, пересылаемого для расследования в жандармские учреждения Москвы. Вся команда из шести человек — «враги правительства». Проведя в товарищеской компании 5 дней, 4-го марта мы получили распоряжение подготовиться в путь: три человека в направлении Москвы и остальные три — в направлении Вологды. В 9 часов утра мы уже были готовы отправиться в путь. Наши вещи вернули, но сопровождающие солдаты, заметив среди наших вещей финские книги, Библию среди прочих, и посчитав их запрещенными, изъяли их. В 10 часов утра нам на руки снова надели кандалы, и мы пошли строем сквозь сильную метель. Проходя через город, мы миновали много огромных зданий и достопримечательностей; выстрадав 8 верст понукания жестокими солдатами, в 12 часов дня мы прибыли на станцию. Там нас поместили в просторный вагон и освободили от кандалов. В час дня мы поехали дальше...

Когда я смотрел в окно, мое внимание привлекали обширные открытые равнины, леса виднелись только местами, словно на море острова, напротив, белых украшенных церквей с крестами было видно множество. Вокруг церквей располагалось по несколько небольших домов, построенных из кирпича или дерева; вблизи от домов — сотни сделанных из дерна лачуг, без печных труб, без окон. Местами из-под снега выглядывала только верхушка лачуги. Я удивленно спросил у ближайшего спутника о значении этих лачуг, так как их многочисленность привлекла мое внимание, но, похоже, он посчитал мой вопрос шуткой; так что лишь повторив вопрос и пояснив, что я издалека, узнал, что это человеческое жильё, дома российских крестьян. Я задумался... Много слышал о нищенской жизни российских крестьян, об их избушках из дерна, но никогда не мог даже подумать о таком...

А суетящиеся вокруг существа, напоминающие людей! Одежда висела лохмотьями, для защиты ног от мороза [использовались] либо намотанные тряпки,

либо берестяные лапти. Лица покрыты грязью и часто состарившиеся от непомерных забот... Таков, в главных чертах, образ стомиллионного крестьянского населения России. Нищета видна невооруженным взглядом...

Иногда поблизости от этого разбивающего сердце убожества видно и великолепие. Красивые, роскошные дома, окруженные изящными дворовыми зданиями, рядом с ними — довольные лица. Это — дома помещиков, а люди — члены их семей. Между этими упомянутыми мной двумя сословиями (крестьянами и помещиками) как раз в это время идет сотрясающая быт всей России кровавая борьба за землю. Помещики в прежние темные года угнетения захватили лучшие и безгранично большие площади пахотных и др. земель, и, напротив, работающее крестьянское население, которому должна принадлежать земля, страдает от нищеты и лишений из-за недостатка земли...

В 9 часов вечера мы прибыли на станцию в Москве, где руки нам забили в кандалы. В тюрьму мы попали в 10 часов вечера, пройдя пешком 4 версты. Тюрьма выглядела ужасно большим старинным военным укреплением: на вершине укрепления были построены башни, в которых, по рассказам, содержали заключенных за особо тяжкие преступления. Внешняя стена была видна, насколько хватало взгляда. Сбоку у ворот, через которые мы прошли внутрь, мелом на черной доске было отмечено, что в тюрьме в это самое время пребывает более 10 000 заключенных. Когда мы вошли в какую-то безгранично большую комнату, нам приказали остановиться. Наши вещи проверили, более ценные из них взяли на хранение, и с оставшимися вещами нас собирались отправить в одну большую комнату, в которой лежали [растянувшись], похоже, сотни наиболее ничтожных в мире человеческих существ. Но, заметив, что мы попадем прямо в зубы волкам, я выхватил из своего тонкого кошелька серебряную монету, всунул ее в руку сопровождающего нас чиновника и попросил пустить куда-нибудь в другое место. Кроме того, мы же были «политическими заключенными»... Серебряная монета повлияла должным образом. Наш чиновник захлопнул дверь комнаты и открыл дверь соседней. Мы попали в «политическую» среду. Это была довольно большая комната, внутри порядка ста мужчин, большинство — поляки, по пути в ссылку так же, как мы, большая часть — в Оренбургскую губернию, а оставшиеся — в сибирские губернии...

Для политических переселенцев, по рассказам товарищей, было еще четыре комнаты такого же размера, все они были заполнены. И на следующий день мне представилась возможность заглянуть в ближние камеры. Они были действительно полные! Там были люди десятков национальностей. Той национальности, которую я искал, всё же не было: финнов. «Счастливые финны!», — нужно и мне вскрикнуть вместе со всеми живущими в России народами (эти слова я часто слышал во время своего пути). Прожив за засовами три дня, постоянно по-настоящему страдая от голода (так как здесь вынуждали есть убогую казенную еду) и увидев тысячи уходящих и проходящих людей, 7-го марта наступила, наконец, и наша очередь. В 8 часов вечера мы были готовы отправиться

в путь. Насчитывающая двести человек группа заключенных в кандалах, сопровождаемая солдатами и конными казаками, выдвинулась при свете фонарей строем в направлении так называемого Рязанского вокзала. Пройдя 8 верст в знаменитом «сердце России», мы прибыли около 10 часов на станцию, с которой в полночь отправились дальше в путь. 8-го марта в 10 часов утра мы оказались на станции города Козлова, миновав многие большие города, сотни крестьянских деревень и обширные необозримые равнины. На станции нам снова забили руки в кандалы, и тут же начался наш поход к тюрьме, к которой мы пришли через 15 минут — дорога была всего в версту длиной. В тюрьме нас отправили с вещами в отвратительную комнату, где лежало около ста жестоких заключенных. Погостив в этом обществе полчаса, мы остались почти голыми, поскольку бóльшую часть наших вещей у нас насильно отобрали, несмотря на наше сопротивление. Заметив, что дверь нашей комнаты осталась незапертой, я выскользнул через нее наружу, совсем рядом заметил довольно маленькую комнату, там оказалась пара десятков людей, одетых чище и, судя по лицам, более приличных, — и вошел в комнату. Когда я сообщил им о своих неприятностях, они настояли сразу же перебраться к ним, хотя было видно, что в комнате господствовала еще бóльшая теснота. Требование мы исполнили, перенеся с собой оставшиеся вещи, которые негодились разбойникам. В этом новом жилище мы провели 13 дней и 13 ночей. Здесь нам также пришлось страдать из-за бедственного положения, из-за этой тесноты, но особенно потому, что наши мелкие деньги кончились, а крупные были тщательно спрятаны в одежду, и их было решено не трогать. (Позже я услышал, что воры собирались обчистить нас догола, тогда бы деньги из нашего тайника стали их добычей, но, к счастью, я успел ускользнуть в новую квартиру.) — Мы довольствовались тюремной едой: плохим на вкус хлебом и замешанной на воде крупой; ели и их, чтобы не умереть с голода. Качающимися от голода, в мрачном настроении, мы ждали, когда сможем продолжить наше жалкое странствие. — 21-го марта мы получили приказ подготовиться в путь. Пройдя к станции, по установленному порядку в кандалах, в полдень мы отправились к городу Саратову.

На станцию Саратова мы прибыли 22-го марта в 2 часа дня. Оттуда нас сопровождали в большую пересыльную тюрьму. Но туда нас не приняли, так как она уже была полна заключенными, таким образом, мы были вынуждены искать места в другой тюрьме. Здесь также не нашлось места для нас, и мы пошли в третью, куда мы попали только после сильной перепалки между сопровождающими солдатами и начальством тюрьмы, там нас разместили в одной комнате для хранения вещей. Эта тюрьма была также уже заполнена; но было помимо этих — по словам солдат — еще три других тюрьмы в городе, и, не исключено, они тоже могли быть набитыми до отказа! Говорят, что в каждой тюрьме содержат 1000–2000 заключенных.

В затхлой, тесной, построенной для неодоушевленных вещей комнате мы, 20 живых существ, провели 11 дней и ночей. Можно упомянуть, что в этой тюрьме-

ме заставляли читать вечернюю молитву, чего нигде в другом месте не встречалось. И вообще, начальник этой тюрьмы казался очень суровым: если только заключенные не могли построиться в ряды так, как требовал господин, он бил их кулаками.

Один старый башкир забыл снять шапку с головы, когда упомянутый господин пришел на вечернюю молитву в нашу комнату, и бедный старик получил жестокий удар в лицо книгой в твердом переплете, следствием чего было сильное кровотечение...

4-го апреля в 12 часов дня мы снова были на станции Саратова, откуда в 2 часа дня наш путь продолжился. Примерно через полчаса пути мы были вынуждены сойти с поезда и перейти на ледокол, который осуществляет перевозки через Волгу круглый год, так как в этом месте на реке нет моста. Переправившись через русло реки шириной более чем в 7 верст, мы сошли на противоположном берегу, откуда продолжили поездку. Примерно в полночь нужно было снова сделать пересадку на другой поезд на одной станции, так как на ней заканчивалась узкоколейная железная дорога и начиналась ширококолейная. 5-го апреля в 9 часов утра мы прибыли на станцию города Уральска, оттуда нас сопроводили около 3 верст пешком в полицейскую контору, из которой нас снова направили в местную тюрьму. По моей просьбе, меня с товарищем разместили в одиночной спокойной комнате, в которой мы почувствовали себя словно в роскошном дворце, так как находящиеся в соседних комнатах «политические» товарищи делали всё что могли, чтобы окружить нас удобствами. В этой тюрьме ожидали приговора всего около двух десятков политических заключенных обоих полов. — 10-го апреля в 12 часов пришел с проверкой тюрьмы военный губернатор района и — удивительно — разговаривал с каждым арестантом по отдельности, да еще так, что заключенные почувствовали себя людьми. Когда он вошел в нашу камеру, сопровождаемый двумя секретарями (то, что он был без стражи, было еще удивительнее, поскольку даже для ничтожного жандарма было обычаем иметь телохранителей), я представил себя и своего товарища, а также попросил, обосновав свою просьбу многими причинами, оставить нас под полицейском надзором в этом городе. На это я тут же получил положительный ответ, хотя нас определили для отправки в город под названием Гурьев, что на берегу Каспийского моря, отсюда еще за 500 верст. Губернатор соблаговолил побеседовать со мной еще об Архангельской губернии и жизни там, рассказал, что в свое время служил в Архангельске, где узнал и Карелию. Казалось, о положении дел в Финляндии он также осведомлен...

В 3 часа дня мы получили распоряжение прийти в полицейскую контору, где нам торжественно объявили об освобождении от заключения. Было великолепно сидеть в удобной квартире около дымящегося кухонного стола в обществе дружелюбных людей, свободными от пик и штыков, которые сопровождали нас 7 месяцев и 7 дней.

Участь наша такова: нам нужно быть здесь, в 3000 верст от родных берегов, под наблюдением у полиции до 24 декабря 1909 года — получая 2 рубля 40 копеек в месяц на питание... Не очень утешительная свобода, но свобода все-таки! — Упомяну напоследок, что этот город и район населяют главным образом полудикие киргизы, известные верностью правительству казаки, татары, а также — в национальном меньшинстве — русские, башкиры, калмыки, родственные финнам мордовцы, марийцы и т.д.

Мои воспоминания о нашем аресте и дороге в ссылку на этом заканчиваются.

От редакции. Опубликовав этот скромный детальный путевой дневник, написанный с врожденным чувством пера, освежим воспоминания читателей о следующих событиях прошлой осени в Беломорской Карелии: в начале сентября в Ухту прибыл русский ленсман²⁹ в сопровождении пяти полицейских и жандарма. Вскоре после этого закрыли действовавшие в Ухтинской и Вокнаволоцкой волостях финноязычные школы, поддерживавшиеся «Союзом беломорских карел». 17–18-го сентября³⁰ в Ухте арестовали учителя В. Дорофеева-Ваара и печника Ф. Ремшуева. — Причина поездки купца В. Еремеева-Ряйхя в беломорскую Кемь, где его арестовали 3 (16) сентября, была вызвана, главным образом, собранием ухтинской общины, на котором упомянутые ранее решили обратиться к чиновникам с покорным прошением не закрывать, по крайней мере, навсегда, их школы.

References

- Bazegskij D. V.* Ëkonomičeskie svâzi Belomorskoj Karelii i Severnoj Finlândii (Kajnuu) vo vtoroj polovine XIX — načale XX v.: Dis. ... kand. ist. nauk. Petrozavodsk, 1998. S. 11.
- Jeremejeff V. I.* Kulkuneuvot ja kansan taistelu olemassa olonsa puolesta V. Karjalassa // Karjalaisten Pakinoita. 1907. N 1. S. 7–8.
- Jeremejeff-Räihä W.* Vienankarjalaisen poliittisen vangin muistelmia // Karjalan Kävijä. 1908. N9. S. 5–10; 1908. N 10. S. 9–13; 1908. N 11. S. 4–9.
- Joulu A. J.* Vietto Vienan Karjalassa // Karjalaisten Pakinoita. 1996. N 3–4. S. 15–17.
- Kansallisarkisto (Helsinki). Paavo Ahavan kokoelma. Kansio 11. Nippu 3.
- Kansallisarkisto (Helsinki). Paavo Ahavan kokoelma. Kansio 4. Nippu 2.
- Karel'skaâ krest'ânka v zerkale istoriko-ëtnografičeskikh istočnikov (vтораâ polovina XIX — načalo XX v.): Sbornik dokumentov i materialov / Nauč. red. O. P. Il'ûha. Petrozavodsk, 2012. S. 67–72.
- Linna E.-K.* «Woi nyt oikein riskisti» // Karjalan heimo. 2016. N 1–2. S. 14–17.
- Otteita W.* Jeremejeff-Räihän kierjeistä vankila-maanpako-ajalta // Karjalan Kävijä. 1908. N 12. S. 7–8.
- Ranta R.* Vienan Karjalaisten Liitto ja rajantakainen koulukysymys 1906–10 // Rajamailla IV. 1997. Rovaniemi, 1998. S. 111–145.
- Wasili Jeremejeff-Räihä. Karjalan Kävijä. 1908. N 11. S. 1–2.
- Vituhovskaâ M. A.* Rossijskaâ Kareliâ i karely v imperskoj politike Rossii, 1905–1917. Hel'sinki–SPb., 2006. S. 287–295.

Список литературы

- Базегский Д. В.* Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX — начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998. С. 11.

²⁹ Имеется в виду становой пристав.

³⁰ По григорианскому календарю.

Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки–СПб., 2006. С. 287–295.

Карельская крестьянка в зеркале историко-этнографических источников (вторая половина XIX — начало XX в.). Сборник документов и материалов / Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск, 2012. С. 67–72.

Jeremejeff V. I. Kulkuneuvot ja kansan taistelu olemassa olonsa puolesta V. Karjalassa // Karjalaisten Pakinoita. 1907. N1. S. 7–8.

Jeremejeff-Räihä W. Vienankarjalaisen poliittisen vangin muistelmia // Karjalan Kävijä. 1908. N 9. S. 5–10; 1908. N 10. S. 9–13; 1908. N 11. S. 4–9.

Joulu A. J. Vietto Vienan Karjalassa // Karjalaisten Pakinoita. 1996. N 3–4. S. 15–17.

Linna E.-K. «Woi nyt oikein riskisti» // Karjalan heimo. 2016. N 1–2. S. 14–17.

Otteita W. Jeremejeff-Räihän kierjeistä vankila-maanpako-ajalta // Karjalan Kävijä. 1908. N 12. S. 7–8.

Ranta R. Vienan Karjalaisten Liitto ja rajantakainen koulukysymys 1906–10 // Rajamailla IV. 1997. Rovaniemi, 1998. S. 111–145.

Wasili Jeremejeff-Räihä. Karjalan Kävijä. 1908. N 11. S. 1–2. [Электронный ресурс] URL: www.karjalansivistysseura.fi/karjalan-heimo/karjalan-heimo-lehden-historiaa/ (дата обращения: 01.10.2016).